

## СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ ФАКТА «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ XIX ВЕКА

Рассматриваются различные способы описания номинативного факта, обозначающего историческую эпоху. Сопоставительный анализ стратегий трех исторических текстов дает возможность проследить формирование научного дискурса и структуры понятия «Смутное время».

Речевая стратегия, номинативный факт, понятие, дискурс, структура значения.

The article deals with different ways of description of a nominative fact which signifies a historical era. Comparative analysis of historic texts' strategies permits to retrace the development of scientific discourse & structure of the concept "Smutnoye vremya".

Speech strategy, nominative fact, concept, discourse, meaning structure.

Среди актуальных направлений лингвистического изучения текста выделяется вопрос о способах организации знаний об окружающей человека действительности в пределах текстовой структуры. Через текст автор формирует у читателя образ мира [3], используя при этом операции интерпретирующего кодирования [12, с. 266]: отбор, именованье, предикация фактов и выражение отношения к описываемому. В результате этих действий создается возможный мир [8, с. 257], информационными единицами которого на языковом уровне служат факты. Структурные разновидности фактов связаны, как правило, с дискурсивной традицией [9, с. 70 – 77], в рамках которой создается текст. Дискурс – это культурно-языковой контекст, который включает в себя культурно-историческую обусловленность тематического репертуара, жанровой формы, функционального стиля и особенностей композиции текста.

Основу классического исторического текста XIX в. составляет нарратив – сюжетное повествование, соотносимое с общепринятой хронологической линейкой. Иными словами, историографическая традиция задает форму рассказа *rerum gestarum*, истории действий. «История – пишет Поль Вен, – это рассказ о событиях: из этого следует все остальное» [1, с. 7]. В соответствии с этой нарративной доминантой фактуальное содержание исторического текста составляют предикативные факты-события, описывающие виды взаимодействия социальных и политических сил, и номинативные факты, которые обозначают лица, предметы и понятия.

Языковое оформление номинативного факта отражает заложенную в лексических единицах способность познания действительности [11, с. 306 – 307]. Содержательная структура слова, представляющая собой комбинации денотата, сигнификата и других аспектов лексического значения, является источником различных решений, которые автор принимает при номинации элемента исторической реальности. Выбирая лексические средства названия участка прошлого, автор исторического текста формирует оптимальный для своей исторической концепции способ описания событий, то есть определенную стратегию [4].

Речевая стратегия реализует авторскую интенцию и соответствует типу передаваемой информации. В историческом событийном тексте XIX в. можно выделить хроникальные стратегии, составляющие сюжетную цепочку; рефлексивные стратегии, содержащие авторские замечания, объяснения, выводы, прогнозы и т.п.; риторические стратегии, создающие образный уровень текста. Все эти стратегии по-разному обращаются с историческими номинативными фактами. Иногда стратегия реализуется в тексте не полностью, а лишь в виде отдельных приемов, действующих на одном смысловом уровне: лексическом, синтаксическом, композиционном и т.п. [4, с. 274].

Мы рассмотрим стратегии описания факта *Смутное время*, или *Смута*, на материале текстов Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского и Д.И. Иловайского. Сопоставительный анализ репрезентаций этого факта позволит понять, как индивидуальная манера в сочетании с дискурсивной традицией формирует стратегию описания *Смуты* – ключевого концепта истории XVI – XVII вв.

### Номинации Смуты в стратегиях донучного дискурса

Номинативный факт, называющий участок исторической действительности, входит в определенную концептуальную сетку: он существует в символическом пространстве, которое создает текущий исторический дискурс [10, с. 68 – 72]. Следовательно, факт не автономен: он связан с другими фактами отношениями тождества или различия, вхождения во множество и т.д. Эти отношения – результат концептуализации, операции, сужающей номинацию до выделения в концептосфере текста отдельного понятия [3].

В текстах, где период, событие или эпоха не получили еще закрепленного дискурсивной практикой наименования, номинативный факт не входит в поле концептуализации и существует лишь в окказиональном контексте. Так, Смутное время описано Н.М. Карамзиным в ходе сюжетного повествования, а сама номинация этого периода появляется спорадически и связана, как правило, с риторическими

приемами. Н.М. Карамзин ни разу не использует номинации «Смутное время», описывая события конца XVI – начала XVII вв., из чего мы можем заключить, что данное понятие еще не вошло в актив складывающегося исторического дискурса начала XIX в.

Историк называет Смутное время разнообразными именами. Факт здесь еще не оформился в виде понятия и встречается в риторических стратегиях, в виде образных перифрастических выражений. Эти выражения можно разделить на три группы:

1) номинации, связанные с провиденциальной трактовкой истории: *Грозный час, Судьба, воля Провидения, правосудие Божественное, суд Божий* [6, с. 123 – 181]. Автор использует лексику, связанную с христианской тематикой, вследствие чего факт земной истории получает координаты истории библейской. Риторические эффекты соединяются здесь с отражением авторской рефлексии;

2) номинации, служащие исключительно риторическим целям: *ужаснейшее из явлений в своей истории, бездна злополучия* [6, с. 120 – 182];

3) номинации, несущие в себе внутреннюю форму понятия Смуты: *Смятение России, Смятение воевод московских* [6, с. 124 – 166]. Эти выражения подготавливают почву для будущей концептуализации понятия Смутного времени, поскольку слово «смятение» одновременно создает запоминающийся образ и несет в себе характерные семы, позволяющие выделить и объяснить особенности данного периода.

Таким образом, в тексте донучного исторического дискурса структура факта *Смутное время* тяготеет к денотативному образу. Риторические приемы, задействованные с хроникальных стратегиях, вскрывают этимологию концепта и в совокупности формируют содержательное ядро образа Смуты. Этот образ сохранит свою актуальность и на этапе научного описания прошлого.

#### Использование факта «Смута» в хроникальной стратегии научного текста

В тексте Д.И. Иловайского выражение *Смутное время* встречается в сюжетном повествовании один раз: рефлексивная стратегия обобщает данные, описанные хроникальным течением текста. Автор связывает время царя Федора и Бориса Годунова преемственными отношениями с правлением Ивана Грозного: «Таким образом, мы видим, что тиранства Грозного царя нисколько не упрочили внутреннего спокойствия: едва он умер, как боярские партии и крамолы вновь дали о себе знать и на сей раз послужили предвестием страшного Смутного времени» [5, с. 333].

В сюжетных главах «Истории...» речь не идет о причинах и последствиях Смутного времени. Автор сосредоточен на историческом сюжете и содержит отсылки к непосредственным оценкам описываемых событий. Редкое для Д.И. Иловайского замечание о предвестии Смуты выполняет следующие функции: обеспечивает последовательную связь определенных исторических явлений и одновременно подчеркивает регулярность сирконстант (крамолы, борьба боярских родов), которую не может превозмочь политика единичного правителя. Кроме того, крамолы и наго-

воры служат знаком беспорядка и дисбаланса в стране – но кому они послужили этим знаком? Очевидно, самому историку. Здесь происходит авторское вторжение в текст и соединяются временные планы конца XVI века и конца века XIX, когда Д.И. Иловайский пишет свою «Историю».

Понятие «*Смутное время*» вводится в текст задолго до описания печальных событий: еще только начал царствовать Федор Иоаннович, еще Борис Годунов занимает нейтральную, по сравнению с остальными влиятельными лицами, позицию, не успев испортить свою репутацию. *Страшное Смутное время* апеллирует к читательскому кругозору: каждый человек имеет некоторое представление о Смутном времени в России как о периоде смертей, разрухи, странной войны, в которой смешались интересы русских знатных семей и иностранцев, то есть как о периоде, когда русской нации угрожала потеря независимости и, возможно, собственной национальной идентичности. Это дополнительный эффект рефлексивной стратегии, которая не только сообщает знания читателю, но и активизирует его собственную память.

Таким образом, *Смутное время* появляется в повествовательном тексте как имя концепта, который передает тексту определенный настрой. Обстоятельное выражение «*на сей раз*» несет подчеркнута модальную нагрузку: Смутное время приравнивается к событиям времени правления Ивана Грозного, так как в нем повторяется нечто страшное в масштабе всей страны. Пока еще не проявившись для участников событий XVI в., Смутное время является именно авторской подсказкой и принадлежит к метауровню текста.

Несмотря на атрибут *страшный*, в данном выражении нет субъективной оценки: автор берет готовую, «стертую», историческую коннотацию и использует ее. Эта дань исторически сложившемуся в массовом сознании образу, согласно которому Смута воспринимается прежде всего как период бедствий и опасности.

#### «Смутное время» В.О. Ключевского: ввод понятия в учебный дискурс

История В.О. Ключевского соединяет в себе научный и учебный дискурсы, вследствие чего факт «*Смутное время*» получает двойную разработку. Сначала автор вводит это понятие в терминологический словарь глав, посвященных переходу к новому периоду русской истории. В этой, учебной, части текста автор сообщает о значении этого события для русской государственности и дает первичные необходимые сведения. Впоследствии историк разрабатывает гипотезу о причинах происхождения такой ситуации, привлекая другие понятия, отражающие изменения концептуальной сферы рубежа XVI – XVII вв.

Смутное время в тексте играет роль переходного этапа, *потрясения*, которое привело к кардинальным переменам в стране и положило начало новому этапу исторического развития России: «...*страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы. Оно и дало первый и очень болезненный толчок дви-*

жению *новых понятий*, *недостававших государственному порядку, построенному угасшею династией*» [7, с. 16 – 17].

История В.О. Ключевского может быть названа, по контрасту с другими изучаемыми текстами, историей идей: идеи, или концепты, созревающие постепенно в общественном сознании и раскрывающиеся при определенных обстоятельствах, являются точкой отсчета. Фокус внимания автора сосредоточен на поиске объективных причинно-следственных связей, характеризующих эпоху конца XVI – начала XVII вв., и фрагмент, посвященный правлению Бориса Годунова, конструируется согласно этой задаче.

Факт *«Смутное время»* в этом тексте имеет статус понятия, с помощью которого автор может объяснить переход к Новому времени и новой ситуации в государстве. Это понятие имеет определенную структуру, соответствующую статье энциклопедии. В этой структуре выделяется две ступени: объемный образ Смуты, заключающий в себе событийную канву этого периода, и содержание, связанное с авторским анализом и интерпретацией этого исторического понятия.

Первая ступень отвечает за создание конкретного образа – это поверхностный уровень номинативного факта, где событие, обозначенное понятием, репрезентируется с помощью ряда соответствующих пропозиций. Здесь мы рассматриваем сюжет, то есть те факты, которые в совокупности формируют в сознании читателя образ Смутного времени.

На первой ступени работают хроникальные речевые стратегии, причем и в тех высказываниях, где не фигурирует сама номинация события: *«Смутное время»* служит знаком, объединяющим предложения в одно тематическое целое. На второй ступени действуют рефлексивные стратегии, отвечающие за содержание понятия Смутного времени. Имя *«Смутное время»* появляется в первых строках лекции № 41. В своеобразном пропедевтическом виде рефлексивная стратегия автора предоставляет читателю первичную информацию, необходимую для последующего адекватного восприятия нарратива:

– несколько имен, под которыми известен предмет в научной литературе и различных источниках: *Смута, или Смутное время, по выражению Котошихина; «великая разруха Московского государства»; «смятение» Русской земли, как пишет Авраамий Палицын; московская трагедия (tragoedia moscovitica), как выражались современники-иностранцы* [7, с. 17];

– хронологические рамки этого периода, с попутным их объяснением: *Признаки Смуты стали обнаруживаться тотчас после смерти последнего царя старой династии, Федора Ивановича; Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшиеся в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила. Значит, Смутным временем в нашей истории можно назвать 14 – 15 лет с 1598 по 1613 г.* [7, с. 17];

Кроме того, автор четко формулирует задачу дальнейшего повествования: *«Прежде чем перейти к изучению IV периода, мы должны остановиться на*

*происхождении и значении этого потрясения»* [7, с. 17]. Иными словами, автор заявляет, что последующий нарратив будет посвящен причинам и следствиям Смутного времени. В парадигму этого понятия встраивается рассказ о борьбе за русский престол и об изменении сознания русских людей на рубеже XVI – XVII вв.

Следующие за этим пропедевтическим введением хроникальные стратегии репрезентируют внешнюю событийную канву Смуты. В.О. Ключевский выделяет два повода к возникновению ситуации Смуты: *«насилованное и таинственное пресечение»* династии Рюриковичей и последующее за ним самозванство [7, с. 26]. Описанию этих событий посвящена сюжетная часть текста.

Развитие образа, однако, не замыкается на смене правителей: хроника поведения конкретных исторических персонажей (Ивана Грозного, царя Федора, Бориса Годунова, Самозванца) сопрягается с другой хроникальной стратегией – хроникой ментального движения, происходившего в этот период. Здесь автор задействует область недостоверной информации, сообщая различные слухи, толки и клевету, которые подорвали престиж Годунова и сформировали базу для кампании Самозванца. Фабульный ряд завершается именно этой стратегией: *«Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута»* [7, с. 26].

Здесь В.О. Ключевский использует языковой потенциал этой лексемы, внося в описание номинативного факта риторический элемент: *замутились умы – пошла Смута*. Уместное акцентирование внутренней формы понятия соответствует общей идее историка об отсутствии ясности в ментальной сфере рубежа XVI – XVII вв. Экспликация этого убеждения содержится в рефлексивных стратегиях, изобилующих выражениями, связанными с недостатком политического сознания: *неподатливость мышления, несообразность, неумение освоиться с идеей выборного царя, отставание, прежняя схема, предрассудки, политические недоразумения, недостававшие понятия* [7, с. 15 – 16, 46 – 56].

Раскрытию содержания понятия «Смута» посвящены следующие три лекции «Курса русской истории», которые описывают ход общественного разлада и переустройства, с постепенным вхождением в ситуацию всех классов и социальных групп того времени; политические, социальные и экономические причины Смуты; последствия этого периода. Так достигается энциклопедический охват данного понятия [11, с. 214].

Таким образом, текст В.О. Ключевского демонстрирует максимально четкую организацию концептуальной системы исторического дискурса. Отражение факта *«Смутное время»* происходит на различных перекрестных уровнях архитектурной повествования. Признавая данное явление важным в русской истории событием, автор посвящает ему ряд хроникальных цепочек и обширные рефлексивные композиции, где понятие получает образный фактуальный объем и энциклопедическое содержание.

Пример номинации Смутного времени в рассмотренных текстах показывает, как имя факта может

менять его композиционную значимость и даже содержание. Номинативные факты, отражающие наши знания об объекте, получившем собственное наименование, меняются с развитием исторического дискурса: от образных перифрастических номинаций к закреплённому концептуализацией понятию.

Риторические приемы сохраняются в понятийной номинации историков-ученых В.О. Ключевского и Д.И. Иловайского в виде семантического ореола (внутренняя форма Смуты, ассоциации с разрухой и бедой). Рефлективные стратегии помогают номинации укорениться в концептуальном поле нарратива, придавая понятию структуру и диктуя определенное содержание. Ввиду того, что это содержание может сильно варьироваться, номинативный факт понятийного типа существует в константном выражении только благодаря семантической (образной) составляющей – его судьба в каждом новом историческом тексте будет зависеть от авторской интерпретации действительности.

#### Литература

1. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен – М., 2003.
2. Глазков, А.В. Почему у факта нет имени? / А.В. Глазков // Филологические традиции в современном литера-

турном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. Вып. 11: в 2 т. – М., 2012. – Т. 2. – С. 29 – 36.

3. Глазков, А.В. Текст как образ мира vs. Мир как образ текста // В печати.

4. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк Т. ван. – М., 1989.

5. Иловайский, Д.И. История России: Московско-царский период / Д.И. Иловайский. – М., 1894 – 1899. – Т. 3.

6. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин – СПб., 1824. – Т. 11. – С. 93 – 133.

7. Ключевский, В.О. Курс русской истории: Ч. III / В.О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. – М., 1988. – Т. 3.

8. Переверзев, К.А. Пространства, ситуации, события, миры: К проблеме лингвистической онтологии / К.А. Переверзев // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 255 – 267.

9. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. Вып. 8. – Новосибирск; М., 2005. – С. 66 – 78.

10. Рикер, П. Время и рассказ / П. Рикер – М.; СПб., 2000. – Т. 1.

11. Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977.

12. Glazkov, A.V. Tekst w uęciu informacyjno-dynamicznym / A.V. Glazkov // Życie w konsumpcji – Konsumpcja w życiu – Konsumpcja życia. The Peculiarity of man. – 2012. – № 15. – S. 265 – 273.

УДК 81`11

Т.Б. Заграевская

### СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АФРОЭТНОСОЦИОЛЕКТИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ КОНЦА XIX ВЕКА (на материале словаря ДЖ.С. ФАРМЕРА / У.Е. ХЭНЛИ «SLANG AND ITS ANALOGUES»)

В статье представлены результаты анализа социолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка с позиции ее социально-стилистической характеристики в интерпретации Дж. С. Фармера и У.Е. Хэнли в их “Slang and its Analogues”.

В исследовании предложены два подхода к рассмотрению маркеров стилистической идентификации афроэтносоциолектизмов: социально-стратификационный и социально-стилистической, которые позволили выявить систему оппозиций в сфере афроэтносоциолектизмов: низкие коллоквиализмы vs. общие сленгизмы (с рядом подсистем) vs. специальные сленгизмы (также с рядом подсистем).

Афроэтносоциолектизм, лексикография, словарная помета, сленг, стилистический, субстандарт.

The article presents the results of the analysis of the lexical system of English afroethnosublanguage from the point of view of its sociostylistic categorization done by J.S. Farmer and W.E. Henley in their “Slang and its Analogues”.

To consider the markers of stylistic identification of afroethnosociolectisms two approaches are suggested – sociostratificatory and sociostylistic, the application of which helped to reveal a system of oppositions in the sphere of afroethnosociolectisms – low colloquialisms vs. general slang (with a number of subsystems) vs. special slang (also with a number of subsystems).

Afroethnosociolectism, lexicography, marker, slang, stylistic, substandard.

Несмотря на то, что социально-стилистические маркеры афроэтносоциолектизмов представлены в словарях по англоязычному субстандарту более или менее однотипным инструментарием, а также в основном сходной интерпретацией маркеров, мы можем наблюдать и авторское своеобразие. В работах XIX в. [5], [7], [8] наиболее ярко оно прослеживается

в словаре Дж.С. Фармера и У.Е. Хэнли «Slang and its Analogues» [6].

Этносоциолексикографический инструментарий социально-стилистической стратификации социолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка в этом словаре раскрыт:

1) в «Предварительных замечаниях», написанных Дж.С. Фармером и представляющих собой дис-